

УДК 398.21

ЛУБОЧНАЯ СКАЗКА И КОМИ ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ*

Коровина Надежда Степановна

канд. филол. наук

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар

author@apriori-journal.ru

Аннотация. Основная задача статьи – определение роли русской народной книги, в частности, лубочной, в формировании сюжетного состава коми сказки. На основе текстологического анализа коми сказок выявлены зависимые от книги тексты, определены характер и степень этой зависимости.

Ключевые слова: лубочная литература; лубочная сказка; коми народная сказка; текстология; устная традиция; книжная традиция.

PRIMITIVISTIC STYLE LITERATURE AND KOMI FOLKLORE TRADITION

Korovina Nadezhda Stepanovna

candidate of philology

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar

Abstract. The main purpose of this article is the definition of the role of Russian folk book, the primitivistic in particular, in the foundation of the plot of komi folk fairy tales. On the basis of the textual analysis the book dependent texts were extracted and the character and the degree of this dependency were defined.

Key words: primitivistic style literature; primitivistic fairy tale; komi folk fairy tale; textual criticism; spoken folklore tradition; bookish tradition.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Комплексной программы УрО РАН 15-13-6-30 «Коми устная сказочная традиция и современные народные сказочники».

В русской книжной культуре довольно большое место занимает лубочная литература. Лубочной книгой исследователи обычно называют дешевые массовые издания для народа. Ее название «лубочный», по мнению большинства исследователей, происходит от названия лубочных листов, или лубков – картинок примитивного содержания с поясняющим текстом, напечатанных с «лубка», т.е. с липовой гравировальной доски, которой пользовались русские печатники в XVII и начале XVIII вв. [6, с. 8-9]. Вслед за лубочными картинками во второй половине XVIII в. появились лубочные книжки, в которых остался лишь текст, а картинки украшали обложки или печатались как иллюстрации.

Начиная с этого времени народная сказка начала бытовать в двух формах: устной (фольклорные тексты) и письменной (лубочные произведения). Устная и книжная традиция сосуществовали и оказывали друг на друга постоянное воздействие. Лубок черпал из фольклора сюжеты, отдельные мотивы и образы. Пройдя авторскую обработку в лубке, сказка вновь возвращалась в устную традицию. Совершался круговорот устной и письменной сказочной традиции, что способствовало обогащению и книги, и фольклорных сказок.

Исследователи фольклора неоднократно обращали внимание на необходимость изучения книги для правильной оценки современной устной сказки, подчеркивая, что без лубочной сказки нельзя понять творчество современных сказочников (Н.П. Андреев [2], М.К. Азадовский [1], К.Е. Корепова [6] и др.). Вместе с тем проблема «Сказочник и лубочная книга» нуждается в дальнейшей разработке, в том числе на конкретном коми национальном материале.

И самым убедительным аргументом, подтверждающим влияние книжной лубочной культуры на коми устную традицию, может быть исследование конкретных текстов, вариантов сказок.

Показательной в этом отношении является сказка «*Сар Бурмислав*» (Царь Бурмислав), записанная Т.И. Жилиной в 1945 г. в с. Шошке Усть-

Вымского р-на Республики Коми (далее – РК) от А.Г. Козлова [11, № 33]. Особенностью этого варианта является то, что в тексте, который является пересказом широко известного сюжета «Царевна-лягушка», имеются сюжетные ситуации, нетрадиционные для сказок данного типа. Так, мифологический в своей основе образ жены-лягушки заменен в нем «реалистическим» – жены-старухи, поэтому Ивану-царевичу уже не приходится сжигать шкуру лягушки, вместо этого он бросает в море кольцо жены, и она исчезает.

Сказочные варианты с этим сюжетом довольно часто встречаются и в русских фольклорных сборниках. Между тем, объяснить появление нетипичных сюжетных ситуаций в традиционной сказке исследователям долгое время не удавалось. К примеру, Д.К. Зеленин в комментариях к тексту «Иван-царевич и царевна-старушка» замечает: «Эта сказка о царевне-лягушке, которую наш сказочник для чего-то (в целях реализма?) превратил в старушку» [3, с. 533]. Только анализ лубочных редакций русских сказок на сюжет «Царевна-лягушка», проведенный К.Е. Кореповой, позволил установить, что основой для большинства сказочных сюжетов, как русских, так и коми, послужило литературное произведение – краткая редакция «Сказки об Иване-царевиче и прекрасной супруге его Светлане», литературная обработка которой была сделана Ф.М. Исаевым в 1870 г. [4, с. 5].

Довольно сильное влияние на коми устную традицию оказали и другие издания, в частности лубочные редакции сказки «Жар-птица». Ее сюжет оказался необычайно популярным среди писателей-лубочников. С 50-х г. XIX в. по 1918 г. сказка выдержала более 150 изданий. Теперь же она предоставляет исследователям «благодатный материал для изучения судеб народной культуры» [6, с. 73-74].

В настоящее время зафиксировано пять устных вариантов коми сказки о жар-птице, три из них, безусловно, восходят к книжному источнику – различным лубочным изданиям.

В сказке, записанной в Ижемском р-не РК от П.В. Сметанина [9, л. 171-175], только необычные имена героев лубочной сказки, которые хорошо запомнил исполнитель, например царь Далма, Лапай, позволили определить источник – книгу В. Суворова «Сказка об Иване-царевиче и сером волке» (М., 1882 г.). Некоторые из имен сказочник дал в другой огласовке – Крутик вместо Крутин, Ракфиль вместо Рафлет, дочь царя Сгоранина вместо Якуты Горынишны.

Конкретный источник второй сказки, записанной в Удорском р-не РК от И.В. Жданова [7, л. 64-68], обнаружить не удалось, но книжную основу выдают ее сюжетные особенности. По наблюдениям К.Е. Кореповой, все лубочные переложения сказки о жар-птице по характеру разработки сюжета делятся на «одноходовые» и «двухходовые» [5, с. 90]. В «одноходовых» сказках сюжет (СУС 550) представлен, так сказать, в «чистом виде»: по заданию царя три брата едут за жар-птицей, похищавшей из царского сада яблоки; младший с помощью волка добывает ее, а также коня и царевну, братья отнимают добычу и убивают младшего; волк оживляет героя; обман раскрывается.

В «двухходовых» сказках сюжет о жар-птице соединен с сюжетом «Смерть Кащея». Именно такая контаминация, характерная для рассматриваемого удорского варианта, позволяет установить книжное происхождение коми сказки, хотя она и «удалена» от первоисточника устной традицией.

Сказка о жар-птице была настолько популярной в народе, что некоторые писатели-лубочники стали включать ее отдельные мотивы и образы в самые различные сюжеты, возможно, и «в коммерческих интересах, как своего рода рекламу» [6, с. 96]. Одно из таких произведений, где среди второстепенных образов есть и жар-птица, создано В.Я. Шмитановским. Его книга «Жар-птица, живая и мертвая вода. Русская сказка в трех частях» (М., тип. С. Попова, 1858), написанная стихами, стала источником еще одной коми сказки, записанной в Удорском р-не РК от

В.Е. Коскокова [7, л. 249-256]. Связь с книжным произведением позволяют установить необычные имена, употребленные в коми тексте: царь Гамат (в лубочной сказке – Гамарь), его сыновья – Ахмет, Магомет, Ибрагим. Несмотря на то, что исполнитель пересказал не все сюжетные ситуации, имеющиеся в этой сложной по фабуле сказке, он, по видимому, сам читал эту книгу, так как при рассказывании сказки на коми языке, он цитировал некоторые строки стихов, например: «*Старик лэбдчис Магомет вылӧ, тушанас вӧлі сажень кузя*» [7, л. 256] – «Старик набросился на Магомета, роста он был саженого», далее исполнитель добавляет: «*Сажень мерю собой, со склоченной головой*»; «...а земляыс сэн сэтшӧм» (*Там же*) – «...а земля там такая», «где не сеют и не жнут, пирогов, где не пекут, а прямо из земли берут...». Стихотворные переложения обычно оказывают меньшее воздействие на устную культуру, чем прозаические, или же вообще не оказывают, поэтому такие сказки – довольно редко встречающееся явление не только в коми, но и русском фольклоре.

Текстологический анализ коми сказок о жар-птице показывает, что все они по-разному удалены от своего источника: одни представляют собой переложение текста, который сказочник сам читал (возможно, неоднократно) или же слышал в чтении других (сказки В.Е. Коскокова, П.В. Сметанина); другие являются уже продуктом устной традиции: от книжного текста их отделяет ряд таких же устных пересказов (сказка И.В. Жданова).

Сказочный текст «Сивко-Бурко» (СУС 530) так же, как и «Жар-птица», является одним из наиболее популярных сказочных сюжетов. В СУС отмечено 60 устных вариантов, в коми сказочном фонде зафиксировано 13. Возможно, что широкое распространение этой сказки не только у русских, но и у коми во многом объясняется многочисленными ее изданиями. Анализ текстов устных сказок показал, что во многих вариантах коми произведений весьма ощутимо воздействие книжного источника.

Так, например, сказка, записанная Г.Г. Бараксановым в с. Новикбоже Усинского р-на РК от М.Г. Филиппова [9, л. 1-28], имеет отдельные совпадения со сказкой, опубликованной в сборнике П. Тимофеева, текст которой восемь раз на протяжении XIX в. выходил отдельным лубочным изданием – «Сказка о Иване-дурачке». В пересказе М.Г. Филиппова, как и в книге, Иван-дурак по дороге в город, нагнав братьев, стегает их плетью. Как и в книжном варианте, в сказке упоминается, что после свадьбы царь дал Ивану и царевне *«комната аслыныс»* (особые комнаты). Ср. у П. Тимофеева: «А как свадьба их кончилась, то король отвел особые комнаты» [7, с. 178]. Для того чтобы созвать на состязание, вывешиваются объявления (у П. Тимофеева рассылаются «ведомости»). Возможно, эти детали книжного текста дошли до ижемского исполнителя через ряд устных пересказов, так как его вариант не повторяет целиком книжную сказку и, кроме того, имеет элементы фольклорной стилистики и фразеологии. Так, в ижемскую сказку о Сивко-Бурко включен былинный мотив из сюжета «Святогор и Илья Муромец»: Иван-дурак получает силу от умершего отца, лизнув пену, которая вышла из гроба [9, л. 171-172].

В сказке, записанной Ф.В. Плесовским в с. Вильгорте Удорского р-на РК от К.П. Козлова [8, л. 68-77], также есть эпизод хлестанья братьев плетью; упоминается в сказке и об особом помещении, которое дает царь Ивану и царевне после свадьбы. Однако сказочником устранена некоторая, на его взгляд, нелогичность в завязке сюжета: в книжном источнике Иван трижды получал от отца коня, хотя пользовался только одним, а в коми пересказе отец награждал сына каждую ночь чем-нибудь новым – конем или диковинками (золотой свинкой, оленем-золотые рога). Эти диковинки царь потом потребовал добыть.

С текстом П. Тимофеева связан и вариант сказки, записанный Ф.В. Плесовским в Удорском р-не РК от С.М. Карпова [7, л. 98-111]. Ее книжная основа выявляется в следующем: женихи, съехавшиеся на испытание, называются сказочником «богатырями». Кроме того, в записи

сказки, как и в книжном издании, имеется противопоставление богатырей и простого народа: «Уна чукортчёма публика, гашкё, 30 багатырнин, а прёстой публикыд, гашкё, тысяча» [7, л. 101] – «Много собралось народу, может, 30 богатырей уже, а простого народу, может, и тысяча». Есть в удорском варианте сказки и эпизод хлестания плетью братьев.

Сказка, записанная Д. Фокошем-Фуксом в 1916 г. от уроженца Усть-Куломского р-на РК Т.А. Кочанова [9, с. 137-148], имеет отдельные совпадения с еще одной лубочной сказкой о Сивко-Бурко, опубликованной в сборнике «Лекарство от задумчивости». В коми варианте этой сказки, как и в книжном источнике, старшие братья не идут на могилу к отцу, так как знают, что он колдун, и боятся: «Бать кулё. Василейлы очередь узыны гу вылын. Василей петас ывлаё и думайтны кутас: «Ме ог жё мун гу вылё. Батьё вёлі кёлдун, и сійё менё сёяс». Сійё сарай пос вылас войшёр кадёдзыс сулалас и пырас» [9, с. 137] – «Отец умер. Настала очередь Василия спать на могиле отца. Василий вышел на улицу и думать стал: «Не пойду же я на могилу. Отец был колдуном, и он меня съест». Он в сарае до полуночи простоял и вернулся».

Воздействие книжных произведений ощутимо и в других коми вариантах сказки о Сивко-Бурко. Однако в каждом из них можно в лучшем случае выявить лишь отдельные совпадения, определить же конкретный книжный источник довольно трудно, «ибо на позднем этапе бытования сюжета (конец XVIII-XX вв.) переплелись, постоянно взаимодействуя и обогащая друг друга, во-первых, традиция исконно фольклорная, во-вторых, идущая от неоднократно переиздававшегося в первой половине XX в. сборника «Лекарство от задумчивости», в-третьих, тимофеевской редакции» [6, с. 138].

Проведенное в данной работе исследование показывает, что критическая проверка коми сказочных текстов необходима для того, чтобы не впасть в заблуждение, считая некоторые сюжетные ситуации и образы, не типичные для общесказочной традиции, проявлением творческой ин-

дивидуальности исполнителя или даже показателем национального своеобразия.

В целом же, русская лубочная книга сыграла довольно значительную роль в обогащении коми национального фонда новыми сюжетными типами и версиями сказочных сюжетов.

Список использованных источников

1. Азадовский М.К. Сказительство и книга // Язык и литература. Л., 1932. Т. VIII. С. 5-28.
2. Андреев Н.А. Исчезающая литература // Казанский библиофил. Казань, 1921. № 2. С. 3-14.
3. Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина // Зап. РГО. Петроград, 1914. Т. XLI. 656 с.
4. Корепова К.Е. Сюжет «Царевна-лягушка» в восточнославянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции: Межвуз. сб. Горький, 1980. С. 97-112.
5. Корепова К.Е. Изучение истории сказочных сюжетов и некоторые проблемы текстологии // Вопросы сюжета и композиции: Межвуз. сб. Горький, 1984. С. 4-14.
6. Корепова К.Е. Русская лубочная сказка. Н.Новгород, 1999. 244 с.
7. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (далее – НА КНЦ). Ф. 1. Оп. 11. Д. 187.
8. НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 207.
9. КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 525.
10. Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI-XVIII вв. / вступ. ст., подг. текстов и коммент. Н.В. Новикова. Л.: Наука, 1971. 288 с.
11. Сказки народа коми. Коми мойдъяс / сост. Н.С. Коровина. Сыктывкар, 2009. 496 с.
12. Fokos-Fuchs D.R. Zürjén szövegek. Budapest, 1917.